

Хотя его руки продолжали творить откровенное безобразие, голос звучал всё так же элегантно и ровно:

— У тебя появится птичий хвост? Или здесь, на спине, вырастут крылья?

— Н-не знаю... Ваше Величество, я не знаю, пожалуйста, больше не надо... У-у-у... — Шэнь Чжинань бился, словно выброшенная на берег рыба, и чуть не соскользнул с колен Хуа Цяньшуана, но в следующий же миг альфа накрепко прижал его к себе.

Поверх длинного халата, какую обычно носят омеги — элегантного, летящего кроя, — на Шэнь Чжинане были надета рубашка и брюки.

Теперь же под халатом брюк не осталось: белые обтягивающие штаны альфа только что сорвал, и они валялись на полу рядом с кушеткой превратившимися в лохмотья полотюрами.

Спрятанные под пологам халата ноги — прямые и стройные, с проступающей на свету нежной белизной кожи — выглядели невероятно соблазнительно.

То, как Шэнь Чжинань дрожал со слезами на глазах, заставляло Хуа Цяньшуана чувствовать себя отъявленным негодяем, но при этом ему безумно нравилось видеть эти слёзы, и он никак не мог удержаться от того, чтобы не помучить своего омегу.

Жалкого и такого прелестного.

Своего омегу.

Хуа Цяньшуан приподнял за подбородок лицо Шэнь Чжинаня и подался вперёд, жадно впитывая цветочную сладость, что таилась во рту омеги.

Ему хотелось заставить его плакать.

Совсем как в прошлый раз, и в самый первый.

Крошечный нераспустившийся бутон насильно принуждали раскрыться в самом ярком великолепии, заставляя всем телом трепетать под безжалостными ударами бури, роняя каплю за каплей болезненно-сладостные слёзы.

— Я помечу тебя, — прошептал Хуа Цяньшуан, склонившись к самому уху дрожащего омеги.

Шэнь Чжинань в тот же миг испуганно распахнул глаза. В его изумрудных очах отразилось суровое лицо альфы. Судорожно вздохнув, он вцепился руками в крепкие плечи Хуа Цяньшуана.

— Вы обещали, что полная метка будет поставлена лишь в ночь нашей свадьбы... — Шэнь Чжинань старался говорить ровно, но дрожащий голос выдавал страх и панику, бушующие на самом дне его души.

У кого хватило бы смелости торговаться с императором империи?

Кто осмелился бы отказать, когда сам Хуа Цяньшуан выражает желание поставить метку?

Даже если бы у Шэнь Чжинаня нашлась тысяча и одно законное основание, перед ним стоял вовсе не рядовой альфа — правитель этого Галактической Империи, чьи слова порой весили куда больше любого закона.— Угу, кажется, я действительно так говорил.

Правитель Галактической Империи всегда был готов выполнять свои обещания, но в то же время мог их и не выполнять.

Хуа Цяньшуан обладал достаточной силой, чтобы делать всё, что ему заблагорассудится. Мораль и законы служили ему лишь инструментами для управления планетой, но никогда не становились оковами, способными его ограничить.

Он был готов подарить своему маленькому омеге немного душевного спокойствия, но в то же время не мог удержаться от того, чтобы немного подразнить Шэнь Чжинаня.

— А что, если я прямо сейчас настаиваю на том, чтобы поставить тебе метку?

Хуа Цяньшуан перенес Шэнь Чжинаня на кровать. Прежде он вовсе не считал себя падким на плотские утехи человеком, однако и обуздывать свои желания в этом плане не собирался.

Ему нравилось прекрасное лицо Шэнь Чжинаня и его красивое, мягкое тело.

Будучи правителем, он никогда не нуждался в сдерживании своих желаний — будь то покорение планет или покорение омег.

Встречный вопрос Хуа Цяньшуана поставил Шэнь Чжинаня в тупик.

Шэнь Чжинань явно растерялся. В уголках его глаз всё еще дрожала готовая сорваться слеза, а влажные ресницы напоминали две промокшие под дождем птичьи крылатые пары, выглядя одновременно жалко и завораживающе.

— Ваше Величество... — лежа на мягкой постели, Шэнь Чжинань смотрел, как Хуа Цяньшуан снимает верхнюю одежду, обнажая удивительно крепкое и красивое тело альфы.

Это был уже не первый раз, когда они разделяли ложе, и по постепенно сгущавшимся в воздухе феромонам альфы Шэнь Чжинань прекрасно понимал, к чему тот клонит.

Впрочем, так оно и было: каждый раз, когда Хуа Цяньшуан призывал его к себе, дело неизменно сводилось к близости.

Альфа необычайно сильно любил его тело, порой целуя с самого лба и до самых кончиков пальцев ног, наслаждаясь им, словно изысканным блюдом, и с ног до головы покрывая каждую клеточку — как снаружи, так и изнутри — густым шлейфом своих феромонов.

При столь частой и глубокой связи, даже если бы Хуа Цяньшуан не спешил ставить ему полную метку, Шэнь Чжинань подозревал, что пройдет совсем немного времени — и он вполне сможет зачать ребенка от Хуа Цяньшуана.

— На подготовку церемонии вступления в должность Императрицы-консорта потребуется некоторое время, но я устрою для тебя самую грандиозную свадьбу.

Альфа навис над омегой, уперевшись руками по обе стороны от него и отбросив на него тень.

Шэнь Чжинань был немного рассеян. Грандиозная свадьба... у него уже была одна грандиозная свадьба.

Тогда его голова и лицо были скрыты белой фатой, размывавшей видимость, и он, погруженный в прекрасные мечты о будущем, так и не разглядел недовольства на лице человека, стоявшего рядом. Вплоть до самой брачной ночи, в тот момент, когда была откинута белая фата, Фэн Нянь смотрел на него крайне ледяным взглядом, а каждое его слово было пропитано жестокой насмешкой и ненавистью.

Наигрался в театр? Вы, клан Шэнь, принудили меня к женитьбе на тебе столь мерзким способом, разлучив меня с Юэ Ин. И что же, у тебя ещё хватает бесстыдства заставлять меня подыгрывать тебе?

Я не... Я, я не знал...

Хватит, Шэнь Чжинань, изначально я воспринимал тебя лишь как младшего брата, но не думал, что ради собственного эгоизма ты способен на столь отвратительные поступки. Этот брак с самого начала не был делом обоюдного согласия, и не рассчитывай, что я стану считать тебя своим омегой!

Хуа Цяньшуан мягко оттянул воротник одежды Шэнь Чжинаня, его палец скользнул по изящным и красивым ключицам омеги, а голос прозвучал низко: — О чём задумался?

— Ваше Величество, я ведь раньше уже был женат, у меня была свадьба... Если проводить её снова, не будет ли это... — в голове у Шэнь Чжинаня царил небольшой беспорядок, хотя на самом деле его мало волновали все эти свадебные церемонии.

Просто воспоминания о прошлых словах Фэн Няня навяли определённые чувства.

Первая свадьба в его жизни была ошибкой, на которую он пошёл против собственной воли.

Если бы ему пришлось пережить свадьбу во второй раз и снова выйти замуж, это вряд ли походило бы на те взаимные чувства, о которых он мечтал в дни своей наивной романтичности.

— И кто же посмеет что-то сказать? — Хуа Цяньшуан накрутил на палец прядь волос Шэнь Чжинаня, поднёс её к губам и легко понюхал. — Ты переживаешь из-за мнения окружающих или беспокоишься о своём бывшем муже?

— Нет! Ваше Величество, я вовсе не переживаю о нём... — Эта тема звучала несколько опасно, и Шэнь Чжинань поспешил оправдаться: — У меня к нему больше не осталось никаких чувств...

Хуа Цяньшуан лишь слабо улыблся: — Тебе не стоит так нервничать, я вовсе не человек узких взглядов. Жизнь в Императорском дворце донельзя скучна, к чему же запирает себя в её стенах?

Положив ладонь на щеку Шэнь Чжинаня, Хуа Цяньшуан прошептал: — Жизнь длиной в тысячелетия неизменно пресна. Раз уж ты стал моим, то поделишь со мной мою долгую жизнь. Я не люблю, когда кто-то прикасается к моим людям, но и не хочу, чтобы ты чах и увядал, заточённый в бесконечной череде одиноких дней.

Шэнь Чжинань слегка вздрогнул: — Ваше Величество, вы хотите сказать...

Что он разрешает ему моральную измену?

Или что ему попросту всё равно, кого Шэнь Чжинань носит в своём сердце?

— Если ты захочешь встретиться со своим бывшим мужем, я не стану тебе препятствовать, но ты должен понимать, — Хуа Цяньшуан сжался пальцами подбородок Шэнь Чжинаня, — твоё тело, каждый твой волосок принадлежат мне.

— Шэнь Чжинань, я хочу, чтобы ты был счастлив и свободен. Прямо как твой Зверь-спутник — будь свободно парящим Белым голубем, а не заточённой в клетку канарейкой.

В тот день Хуа Цяньшуан, как и ожидалось, не стал ставить полную метку, однако изрядно потрепал Шэнь Чжинаня почти до самого рассвета.

Более того, посреди ночи он молча ушёл и не остался ночевать.

Шэнь Чжинань, кутаясь в уже остывшее одеяло, прижался спиной к изголовью кровати. За окном стыл лунный свет, казалось, лёгкий ветерок шевелил ветви деревьев, наполняя ночь шуршащим звуком.

Душу монарха не постичь.

Он не до конца понимал, в хорошем ли настроении был сегодня Хуа Цяньшуан или в плохом.

Будь он в хорошем настроении, стал бы уходить посреди ночи?

Но будь он в плохом, вряд ли стал бы приводить его в порядок перед уходом.

Единственное, в чём можно было не сомневаться: Хуа Цяньшуан не собирался запираť его в тюрьме Императорского дворца и даже не возражал против его возможных двусмысленных связей с другими.

При условии, что, будучи омегой Хуа Цяньшуана, он обязан был сохранять своё тело всецело принадлежащим императору.

Иными словами, Хуа Цяньшуан был готов даровать ему достаточную свободу, не желая, чтобы за долгие годы он превратился в увядший цветок — ведь лишь сохраняя радостное расположение духа, можно долго цвести рядом с императором.

Шэнь Чжинань был не настолько глуп, чтобы бегать за другими мужчинами и крутить с ними романы, но готовность Хуа Цяньшуана предоставить ему свободу определённо подняла ему настроение.

Ужасная жизнь, где его, заточённого в Императорском дворце, заставляли бы без конца рожать детей, ему не грозила; у него появилось время заняться тем, что он всегда хотел

попробовать, но прежде ему не разрешали.

Встреча с полузвериной формой Его Величества — это лишь вопрос времени.

— Что это такое?

Пробудившись ранним утром под лучи солнца, аромат цветов и щебетание птиц, Шэнь Чжинань ещё не успел умыться, когда ему сообщили, что Цзян Мэншань уже давно ждёт его снаружи.

Он в спешке привёл себя в порядок, переоделся и вышел к Цзян Мэншаню. Начальник личной стражи императора преподнёс ему изысканные украшения.

— Его Величество недавно заполучил редкие драгоценности и велел мне доставить их вам. Всё это — дары от Вашего Величества. — Цзян Мэншань, казалось, всегда и везде сохранял невозмутимый вид верного слуги. Он принёс целых два сундука и безмолвно откинул крышки, отчего комнату мгновенно залило ослепительное сияние. — Передайте Вашему Величеству мою благодарность... — Шэнь Чжинань бросил взгляд в открытый ящик. Тот был доверху забит дорогими и изысканными украшениями: жемчугом, золотом, сердоликом и драгоценными камнями самых разных цветов.

Хотя за последние несколько лет из-за банкротства семьи Шэнь Чжинаню пришлось распродать почти все свои драгоценности, когда-то он был самым любимым младшим ребёнком в семье и единственным сыном-омегой.

Отец, старший брат и сестра каждый год дарили ему самые разнообразные прекрасные украшения, так что он обладал отменным вкусом в ювелирном деле. В прошлом он даже подумывал о том, чтобы заняться дизайном украшений, хотя на практике, несмотря на всю свою любовь к сверкающим вещам, особого таланта к созиданию у него не было.

Его мать умерла рано, и заботу о его воспитании взяли на себя брат с сестрой. Они изо всех сил старались обеспечить ему лучшие материальные условия, балуя его доверчивым и наивным красавцем-омегой. Если бы не удары и неудачи в браке и семейной жизни, Шэнь Чжинань, пожалуй, так и оставался бы наивным всю свою жизнь.

Разве это не было бы своего рода счастьем? Вот только за эти пять лет Шэнь Чжинань сполна познал человеческое лицемерие и превратности судьбы: он перестал верить в брак, перестал наивно верить в любовь и даже не верил, что дарованные ему Хуа Цяньшуаном нежность и высокий статус продлятся вечно.* (Примечания: слово «любимец / фаворит» в данном контексте означает заботу, любовь и благосклонность правителя.)

— Министр Цзян, скажите, как сейчас чувствует себя мой отец? Могу ли я навестить его?

Хуа Цяньшуан ранее упоминал, что медицинским уходом за его отцом теперь руководит Цзян Мэншань. Некоторое время назад Шэнь Чжинань уже заводил с Хуа Цяньшуаном разговор об отце, и император ответил, что тот в данный момент проходит курс лечения и визиты пока нежелательны.

Цзян Мэншань прямо стоял на месте, словно гордая сосна. Он всматривался в чистые зелёные глаза омеги, вспоминая долины и озёра, которые ему доводилось видеть на какой-то далёкой планете, когда солнечный свет пробивался сквозь листву и падал на рябь водной глади, заставляя её сиять подобно изумруду.

— Ваш отец уже миновал критический период и в настоящее время восстанавливается. Он упоминал, что хотел бы вас увидеть. Если хотите, я могу проводить вас к нему, — спокойно произнёс Цзян Мэншань.

— Отец уже проснулся? — Шэнь Чжинань велел служанкам убрать оба ящика с украшениями, а сам нетерпеливо подошёл к Цзян Мэншаню. Он был почти на голову ниже альфы, и когда они сблизилась, ему пришлось слегка приподнять подбородок, чтобы встретиться с ним взглядом.

Шэнь Чжинань страстно желал поскорее увидеть отца. Он обратился к генералу-альфе:

— Министр Цзян, тогда прошу вас проводить меня к отцу. Мы можем отправиться прямо сейчас?

Цзян Мэншань тотчас распорядился подать флаер и повёз Шэнь Чжинаня в госпиталь военного ведомства.

Госпиталь находился совсем недалеко от штаба военного ведомства.

Сидя во флаере, Шэнь Чжинань смотрел вниз через прозрачное окно. Величественные здания, принадлежащие исключительно военному ведомству, бросались в глаза, но особенно выделялась скульптура Императора Галактики — правителя Галактики в боевых доспехах и с длинным мечом в руках, возвышавшаяся в самом центре территории. Её по праву можно было назвать визитной карточкой всего ведомства.

Эта скульптура изображала правителя Галактики в его полужвериной форме, в которой он некогда сражался: верхняя половина тела была человеческой, а нижняя представляла собой змеиный хвост.

Военное ведомство не было местом, куда можно запросто войти с улицы. По логике вещей, для Шэнь Чжинаня, бывшего когда-то супругом Фэн Няня, попасть внутрь не составляло особого труда, но на практике он ещё ни разу не переступал порог ведомства и никогда не видел вблизи статую Хуа Цяньшуана в полужвериной форме, стоявшую на центральной площади.

В прошлый раз, когда он приехал к военному ведомству, его просто остановила на входе секретарша Фэн Няня.

Какая нелепая причина: ему, законному супругу Фэн Няня, требовалось заранее записываться на прием, чтобы просто увидеть мужа.

— Когда Ваше Величество сражается, у него действительно вырастает змеиный хвост? — Шэнь Чжинань прижался к окну флаера. Он слышал, что нижняя часть скульптуры имеет форму змеи, но, к сожалению, её закрывали другие постройки, и издали можно было разглядеть лишь человеческий торс.

— Император уже около тридцати лет не участвовал в войнах, требующих его личного присутствия на поле боя, — спокойно глядя перед собой, произнёс Цзян Мэншань. — Я служу рядом с Вашим Величеством почти сто лет и не раз сопровождал его в сражениях. Он — могучий воин, чья змеиная чешуя после полуживотной трансформации покрыта слоем несокрушимой чёрной брони. Вы можете рассматривать это и как тело дракона.

— Невероятно... — Шэнь Чжинаню было трудно связать мужчину, который прошлой ночью ласкал его в постели, с тем, кто являл миру полуживотную форму на поле боя.

Цзян Мэншань неожиданно произнёс:

— Возможно, позже вы сможете зайти на площадь военного ведомства и рассмотреть статую сражающегося императора вблизи. Как пара Вашего Величества, вы рано или поздно увидите его в полуживотной форме, и будет лучше, если вы привыкнете к этому заранее.

Он сделал паузу, и его голос прозвучал холодно, как вынутый зимой из ледяной воды железный меч:

— Это лишь дружеское напоминание: случалось, что изнеженные омеги впадали в панику и ужас, впервые увидев полуживотную форму своих мужей-альф, и даже были вынуждены проходить курс психологической терапии.

Далеко не каждый альфа обладал способностью принимать полуживотную форму — это было свидетельством великой силы как альфы, так и омеги.

— Я не боюсь. И я не изнеженный омега. — Презрение, прозвучавшее в словах Цзян Мэншаня, было неприятно Шэнь Чжинаню, но он прекрасно понимал: в глазах большинства людей он как раз и выглядел слабым омегой, а подобные стереотипы невозможно разрушить за один день.

Еще до того, как выйти замуж за Фэн Няня, Шэнь Чжинань подготовил себя психологически: он изучил огромное количество видеоматериалов об альфах, являвших на полях сражений свои полуживотные формы, и просматривал их снова и снова, чтобы заранее выработать внутренний иммунитет.

Такие мощные альфы, как Фэн Нянь и Хуа Цяньшуан, во время наложения полной метки на омегу вполне могли из-за мощного выброса феромонов частично принять свой животный облик.

В теории это же касалось и омег, однако лишь немногие из них с детских лет проходили через

столь же жестокие тренировки боевых навыков, как альфы.

До сих пор Хуа Цяньшуан не показывал ему свой змеиный хвост. Шэнь Чжинань на словах хорохорился, да и в душе подготовил себя, но когда этот день настанет по-настоящему, он и сам не знал, какой будет его реакция.

— Мы прибыли. — Флаер плавно остановился, и Цзян Мэншань поднялся с места.

— Папа!

В тот же миг, как он увидел отца, из глаз Шэнь Чжинаня брызнули слёзы.

— Ну чего ты плачешь, Нань-нан? Неужели этот щенок Фэн Нянь опять тебя обидел? — Отец Шэнь полулежал на больничной койке, на его лице всё еще лежала бледность перенесённой тяжелой болезни. Едва увидев Шэнь Чжинаня, он даже не успел порадоваться, как сердце его сжалось от бесконечной жалости при виде слёз на лице сына.

Отец Шэнь готов был сию же секунду сорваться с больничной койки, отыскать мерзавца Фэн Няня и задать ему хорошей взбучки, но не успел он сделать и пары движений, как от резкой боли рухнул обратно на подушки. Не имея возможности защитить и утешить любимого ребёнка, отец Шэнь ненавидел одновременно и бессердечие Фэн Няня, и собственное бессилие.

— Папа, со мной всё в порядке, ложись скорее, не двигайся, — Шэнь Чжинань вытер слёзы и торопливо помог отцу улечься поудобнее, после чего сквозь слёзы улыбнулся. — Никто меня не обижает. Просто я так долго тебя не видел, что соскучился.

— Папа, как хорошо, что с тобой всё в порядке! — Шэнь Чжинань опустил на стул больничной койки.

Палата представляла собой просторный люкс, включающий кухню и санузел. Снаружи имелась небольшая гостиная, у входа несли вахту специализированные охранники, а круглосуточный уход осуществляла команда профессиональных сиделок.

Отец Шэнь не понаслышке знал о жестоких законах делового мира и в прошлом был знаком со многими влиятельными людьми из военных кругов, поэтому прекрасно понимал: в госпиталь военного ведомства, где он сейчас находился, посторонним путь заказан.

Теоретически для него, как для тестя генерала, попасть в ведомственный госпиталь не составляло труда, но в глубине души отец Шэнь отлично знал, что брак Фэн Няня и Шэнь Чжинаня существовал лишь на бумаге.

Три года назад, когда семья Шэнь обанкротилась, Фэн Нянь предпочёл остаться в стороне.

А три года спустя, когда отец Шэнь тяжело заболел и оказался при смерти, он вовсе не рассчитывал, что такой бессердечный человек, как Фэн Нянь, палец о палец ударит ради него.

— Теперь папа в порядке... — Отец Шэнь тяжело вздохнул, и на глазах его выступили слёзы. — Это всё папа виноват... Это папа тянет тебя на дно. У папы нет ни сил, ни возможностей заступиться за тебя, да еще пришлось заставлять тебя унижаться и просить о помощи этого мерзавца Фэн Няня.

В памяти Шэнь Чжинаня отец, некогда поднявший на ноги весь клан Шэнь, был самым лучшим родным человеком на свете — несокрушимой скалой, что защищала его от любых невзгод.

Сейчас же отец выглядел бледным, слабым, а на его измождённом и постаревшем лице читались лишь чувство вины и самобичевание. Сердце Шэнь Чжинаня пронзила боль.

— Папа, нас с Фэн Нянем больше ничего не связывает. Мы с ним... развелись, — Шэнь Чжинань мягко улыбнулся. — Долго рассказывать все подробности, но главное — всё закончилось хорошо. Он наконец-то согласился оставить меня в покое.

— Развелись? Развелись — и слава богу, развелись — и отлично! Этот щенок не стоил твоей заботы. Наш Нань-нан такой замечательный, он заслуживает человека много лучше, — отец Шэнь тяжело вздохнул. — Настродался ты за эти годы, Нань-нан...

— Папа, а где ты теперь живешь?

<http://bllate.org/book/21238/2148654>